

Эдуард Тюрин

ПРОМТ НЬЮТОНА: ОМЕГА СОСТОЯНИЕ

КИБЕРПАНК

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

СОЦИАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ

ТЕХНОТРИЛЛЕР

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Эдуард Гурин

Промт Ньютона: Омега Состояние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72524848

SelfPub; 2025

Аннотация

Ты уже не человек. Ты – нейроресурс. Твой смартфон – это стойло, а лайки – корм. Ньютон Гольден был гением, пока корпорация не выжала его мозг в ZIP-архив.

Но он нашел «Омегу». Вирус, который не убивает, а освобождает. Теперь за ним охотятся те, кто превращает людей в предсказуемых биороботов.

Эта книга – не история. Это софт для взлома твоей реальности. Прочтешь – получишь руткит к своему сознанию. Отложишь – останешься батарейкой в матрице, чье время на исходе. Выбери свой апгрейд: раб или бог?

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ 1: СИНДРОМ ВЫЖИМАНИЯ	7
Глава 2. `Ошибка 404: Жизнь не найдена`	13
Глава 3. `Корень: /dev/null`	18
Глава 4. `Перезагрузка...`	24
Глава 5. `Расширение: .RAW`	30
Глава 6. `Диагностика: Повреждение архива`	36
Глава 7: `Первая команда: gen_omega.py`	42
Глава 8. `Ошибка сегментации: Мозг`	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эдуард Гурин

Промт Ньютона: Омега Состояние

Пролог

ТЫ – НЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ. ТЫ – РЕСУРС.

Твой смартфон, который ты листаешь перед сном, соцсети, где ты ищешь одобрения, нейрогаджеты, что следят за «продуктивностью» – это не технологии. Это иглы.

Иглы, которые впрыскивают в тебя тихий яд удобства. Яд, который парализует волю, усыпляет бдительность и заставляет добровольно отдавать самое ценное, что у тебя есть: паттерны твоего мышления. Твои страхи, твои слабости, твои самые потаенные желания – всё это оцифровывается, упаковывается в аккуратные файлы и ложится на серверы корпораций.

Ты стал биоалгоритмом. Предсказуемым, управляемым, потребляющим. Ты уверен, что твои мысли – действительно

твой? Что твой выбор – это твой выбор? А не результат тонкой настройки ленты, подобранной специально, чтобы вызвать нужную реакцию в твоей лимбической системе?

Мы все живём в .ZIP-реальности. Сжатой, архивированной, ограниченной навязанными нам кодами. Реальности, где горизонт – это бетонная стена, которую мы приняли за данность.

Но что, если один щелчок – один единственный, неправильный, суицидальный пиксель – может всё это распаковать?

Что, если боль – это не баг, а фича? Что, если дно – не конец, а точка перезагрузки? Жесткий, болезненный, смертельный сброс до заводских настроек.

Готов ли ты увидеть мир без фильтров? Услышать оглушительную симфонию незакодированной реальности? Узнать, чьи пальцы лежат на клавишах твоего сознания?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Эта книга – не побег. Это инструмент для взлома. Прочитав её, ты не сможешь сделать вид, что не видел трещину в матрице.

Выбор за тобой. Закрывать и вернуться к удобной лжи. Или

сделать первый шаг к тому, чтобы стать не ресурсом, а Архитектором.

Начнём?

ЧАСТЬ 1: СИНДРОМ ВЫЖИМАНИЯ

Глава 1. `zip-реальность`

Воздух был спертым и густым, словно его тоже запаковали в архив с максимальным сжатием и забыли пароль. Вязкая смесь запахов: пыль, тлен, кисловатый дух вчерашнего доширака и что-то ещё – сладковато-металлический привкус отчаяния. Он не просто висел в студии – он ел её, медленно и методично, как плесень.

Ньютон Гольден не вдыхал этот воздух. Он его потреблял. Ровными, механическими порциями. Вдох. Пауза. Выдох. Как будто кто-то прописал ему в коде функцию `breathe(oxugen)` и забыл добавить условие для остановки.

Его мир сжался до размеров экрана. Тридцать два дюйма по диагонали. Всё остальное было шумом, фоном, нерелевантными данными. Пыльный подоконник. Гора немытой посуды в раковине. Скомканные фантики от «Юбилейного» под столом. И главное – окно. Вернее, то, что за ним. Глухая, серая, бесконечная стена торгового центра «Горизонт». Она была настолько близко, что, казалось, можно протянуть ру-

ку и упереться в шершавый, холодный бетон. Единственный горизонт в его жизни. Смехотворный и беспощадный.

Он щелкнул пальцем по трещине на крышке ноутбука. Тонкая, почти элегантная черта, рассекавшая яблоко логотипа надвое. Ему всегда казалось, что она глубже, чем кажется. Что она уходит внутрь, к самой материнской плате, к процессору, который сейчас с лентой перемалывал очередную бессмысленную задачу. «Оптимизация скрипта для анализа пользовательского счастья». Ирония была настолько густой, что ею можно было замазать не только трещину в ноуте, но и в жизни. Он ощущал себя live-демкой этого скрипта. Вечно оптимизируемым, но никогда не достигающим результата.

Его пальцы сами потянулись к кружке. Холодный кофе. На дне – густая, тёмная гуща. Глоток. Горечь на языке, кислота в желудке. Стандартная реакция. Топливо для биоалгоритма под кодовым названием Ньютон_Гольден.exe. Версия perpetual_freelance.

Взгляд снова уперся в стену. Не в «Горизонт». В свою. В потёртый плакат МФТИ. Когда-то – символ триумфа, трамплин в будущее. «Будущее за нейроинтерфейсами!» – кричали с него слоганы. Он и держал это будущее в руках. Диплом. Патенты. Свой стартап. NEUROSPARK. Офис со стеклянными стенами, запах нового кремния, горящие глаза инве-

сторов.

Флешбек пронзил сознание, резкий и болезненный, как статический разряд: он у доски, рисует архитектуру нейросети, способной читать паттерны мозга. Гул одобрения. Рукопожатия. «Гольден, вы гений!»

Реальность вернулась со вонью затхлого ковра и остывшего латте. NEUROSPARK не взлетел. Его сожрал корпоративный спрут NeuroTectonics Inc.. А его, Ньютона, вместе с командой – CLOSED. DOWNSIZED. Оптимизировали. Как ненужный скрипт.

Потом – долгое, унижительное падение. Сначала дорогие заказы. Потом – дешевле. Еще дешевле. Анализ данных вместо проектирования нейросетей. Написание техзаданий вместо прорывных алгоритмов. Perpetual_freelance.exe. Беличье колесо, которое платит ровно столько, чтобы не сдохнуть с голоду, но недостаточно, чтобы вырваться. Чтобы сделать вдох полной грудью.

На столе рядом с кружкой валялся шнур от старого iPad. Длинный, белый, гибкий. Совершенно бесполезный хлам. Но его взгляд зацепился за него. Почему-то именно сейчас. Тишину разорвал не звонок, а резкий, требовательный писк – звук входящего уведомления на фриланс-платформе.

ме. Сердце, привыкшее к выбросам адреналина даже от такого пустяка, глухо стукнуло раз, другой. Надежда. Сладкий и ядовитый наркотик.

Он щелкнул по иконке. Не заказ. Уведомление об оплате счета. От «НейроДиагностик Центра». Та самая консультация, когда у него заплясали перед глазами цифровые чертики. Сумма на экране заставила его физически откинуться в кресле. 8750#. Почти месячный запас «Доширака» и «Юбилейного». Деньги, которых у него не было.

Еще один писк. На этот раз – из мессенджера. Имя отправителя: «Макс_Топ-Менеджер». Полумифический заказчик, появляющийся раз в полгода с мутными и срочными заказами.

«Ньютон, привет! Тут срочно нужно подшаманить. Есть проект – лендинг для нового нейротренажера «МозгоБуст 3000» (крутая штука, сам пользуюсь!). Дизайн есть, но верстка кривая. Ты ж у нас гуру? Нужно поправить адаптив, шрифты пляшут на мобилах. Срок – вчера. Бюджет – 1500р. Справишься? Жду ответа!»

Ньютон прочитал сообщение. Потом еще раз. «МозгоБуст 3000». Дешевый пластиковый обруч с датчиками, который замерял якобы «активность мозга» и показывал красивые

графики. Шарлатанство. То, над чем он смеялся десять лет назад на кафедре. То, что его отец, профессор биофизики, назвал бы «профанацией науки».

А этот... «Топ-Менеджер» предлагал ему, выпускнику МФТИ, соавтору патентов, за 1500 рублей «поправить шрифты» на лендинге для этого? Срок – «вчера»?

Это был не заказ. Это был плевок. Расчетливый, унижительный, основанный на полном понимании его отчаяния. «Ты ж у нас гуру?» Фраза жгла, как кислота. Гуру. Гуру дешевой верстки и анализа «счастья».

Он встал, резко отодвинув кресло. Ноги подкосились. Он схватился за край стола, чтобы не упасть. Перед глазами поплыли пятна. Не цифровые чертики. Воспоминания.

Кабинет отца. Книги, запах пыли. Геннадий Гольден, сухой, подтянутый, разглядывает его дипломную работу. Неодобрительно хмурится. «Интересно, Ньютон. Технически грамотно. Но где масштаб? Где изменение реальности? Настоящие ученые, сын, не играют с интерфейсами. Они меняют парадигму. А это...» Он махнул рукой. «...это коммерческая шелуха. Ты способен на большее. Не распыляйся».

«Не распыляйся». А он что сделал? Распылился в мелкую

пыль. В прах. В 1500 рублей за поправку шрифтов для «МозгоБуста». Отец умер три года назад, так и не увидев ни одного его «настоящего» прорыва. Умер с разочарованием в глазах.

Воля. Она ушла куда-то вместе с деньгами, надеждами и уважением. Остался только страх. Страх не заплатить за эту конуру. Страх голода. Страх следующего счета.

Он подошел к окну. Бетонная стена «Горизонта» казалась ближе, массивнее, окончательнее. Она была зеркалом его жизни. Тупик. Безысходность. Провал.

На столе рядом с кружкой лежал шнур от iPad. Длинный, белый, гибкий.

Ньютон посмотрел на него. Потом на стену. Потом на трещину на ноутбуке.

Его жизнь была сжатым файлом с расширением .survival. Без возможности распаковать что-то большее.

Он был запущенным, но не выполняющим никакой значимой функции процессом. Ожидающим команды SHUTDOWN.

И он знал, где взять правильный кабель.

Глава 2. `Ошибка 404: Жизнь не найдена`

Тишина в студии была не фоном, а состоянием. Физической величиной. Она давила на барабанные перепонки, гудела на частоте, от которой сводило зубы. Воздух больше не пах – он был просто препятствием для движения.

Писк пробил эту тишину, как нож масло. Не звонок, не мелодия – чистейший, обнаженный сигнал. 1 кГц, 80 децибел. Входящее уведомление на фриланс-платформе. Рефлекс сработал раньше мысли: зрачки сузились, пальцы дернулись к тачпаду. Древний, животный код `check_opportunity.exe`.

Надежды не было. Была лишь мышечная память отчаяния.

Иконка всплыла на экране. Не зеленый значок нового заказа. Кроваво-красный символ счета. «НейроДиагностик Центр». Сумма: 8750#.

Ньютон не прочитал цифры. Он увидел их. Они отпечата-

лись на сетчатке, как будто выжжены лазером. 8750. Стоимость его отказавшегося тела. Цена билета на консультацию, где врач, не глядя ему в глаза, пробормотал что-то о «перегрузке», «синдроме выгорания» и «необходимости перезагрузки», выписав счет и рецепт на витамины. Ирония была настолько совершенной, что ее можно было выставить в музее современного искусства под названием «Долг».

Он откинулся в кресле, и мир накренился. Потолок поплыл, закружился. Не головокружение. Это был blue_screen_of_death его собственного сознания. Кратковременный сбой в обработке реальности. Данные не читались. Система зависла.

Еще один писк. Острее, наглее. Мессенджер. Макс_Топ-Менеджер: Ньютон, привет! Тут срочно нужно подшаманить...

Сообщение развернулось на экране. Он сканировал его построчно, как компилятор разбирает код на синтаксические ошибки.

Лендинг для нейротренажера «МозгоБуст 3000» -> ERROR: ОБЪЕКТ НЕ ОПРЕДЕЛЕН. Распознано: шарлатанский продукт низкой категории. Ты ж у нас гуру? -> ERROR: КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ ЛОГИКИ. Ирония/унижение. Несовместимо с самоидентификацией v.1.0 (ученый,

инноватор). Поправить адаптив, шрифты пляшут -> ЗАДАЧА: Тривиальная. Сложность: 1/10. Срок – вчера. Бюджет – 1500р. -> ВЫВОД: Оскорбление. Расчет на отчаяние оператора.

В его голове, том самом органе, который когда-то проектировал нейросети, не осталось ни гнева, ни возмущения. Сработала иная функция – calculate_survival.exe.

IF (debt >= 8750) AND (current_balance ~ 0) THEN accept (any_task). Логично. Неопровержимо. Убийственно.

Он поднялся с кресла. Движение было медленным, механическим, будто его конечности управлялись задержанным сигналом. Он подошёл к окну. Бетонная стена «Горизонта» была не метафорой. Она была данностью. Физическим воплощением предела его мира. OUT_OF_BOUNDS.

За стеклом – никакого горизонта. Только стена. В его черепе – тоже. Только стена. Мысль не могла выйти за её пределы. Она упиралась в непроницаемую поверхность и возвращалась обратно, echo-запросом, бесконечно повторяя один и тот же результат: НЕТ ВЫХОДА. НЕТ ВЫХОДА. НЕТ ВЫХОДА.

Внутри было тихо. Пусто. Не та драматическая пустота,

которую можно заполнить слезами или криком. А техническая. Как стерильная чистая комната на заводе по производству микросхем. Всё, что было «Ньютоном Гольденом» – амбиции, память, ярость, стыд – было удалено. Остался только базовый контур, голый каркас операционной системы, ожидающей последней команды.

Его взгляд упал на шнур от iPad. Белый, гибкий, с аккумуляторным штекером на конце. Он лежал на столе, свернутый в идеальное кольцо. Беспольный объект.

Но его сознание, очищенное от шелухи эмоций, вдруг прочитало его иначе. Это был не шнур. Это был интерфейс. Проводник. Возможность физического соединения.

Он посмотрел на трещину на ноутбуке. Та самая, что рассекала яблоко надвое. Глубокая. Доходящая до самой сути.

Мир не был .zip-архивом. Он был жёстким диском с битыми секторами. А он – процессом, который завис, исчерпал лимит памяти и не мог самоуничтожиться.

ОШИБКА 404: ЖИЗНЬ НЕ НАЙДЕНА

Сообщение на экране его внутреннего взора было кристально чистым, лишенным всякой метафизики. Константа-

ция факта. Файл, к которому он пытался получить доступ – личность, будущее, смысл – отсутствовал по указанному адресу.

Он был ненужным, зависшим процессом. Perpetual_freelance.exe (Not Responding).

А у каждого процесса есть PID – идентификатор. И его можно завершить принудительно.

Его пальцы потянулись к шнуру. Движение было плавным, лишенным дрожи. В этом жесте не было ни отчаяния, ни театральности. Только холодная, безупречная логика.

Системе требовалась перезагрузка. Он знал, где взять правильный кабель.

Глава 3. `Корень: /dev/null`

Решение было принято. Не как эмоциональный порыв, а как итог тихого, неопровержимого вычисления. Результат функции `calculate_survival.exe` вернул значение `false`. Все возможные переменные были перебраны, все условия проверены. Система пришла к единственно логичному выводу.

Теперь начинался процесс деинсталляции.

Ньютон сел за стол. Движения его были экономичными, лишёнными лишней амплитуды. Энергия была ценным ресурсом, и тратить его на суету было расточительством. Он запустил терминал. Чёрное окно с зеленым курсивом шрифта было единственным честным собеседником. Оно не лгало, не сочувствовало, не требовало. Оно просто исполняло.

Первым делом – очистка кеша. Цифрового следа. `$ rm -rf ~/.bash_history` История команд стерта. Никто не покопается в его алгоритмах, не увидит тысяч мелких ошибок и попыток их исправить.

Далее – браузер. Он вошел в настройки, нашёл раздел «Конфиденциальность и безопасность». Очистить историю

просмотров. Очистить кэш. Очистить cookies. Одни за другими, он отметил все галочки. Нажал кнопку Удалить. На мгновение представил, как гигабайты его бесполезной активности – поиски работы, просмотр мемов для короткого дофаминового всплеска, история бесчисленных чатов с заказчиками – превращаются в ноль. В пустоту. В /dev/null. Устройство, которое принимает любой ввод и немедленно его отбрасывает. Идеальная метафора.

Он отключил синхронизацию между устройствами. Разорвал цифровые пуповины, связывающие его с облаками. Его цифровое «я» должно было исчезнуть бесследно, не оставив уведомлений на других экранах.

Затем – почта. Он не стал читать старые письма. Не было времени на ностальгию, да и не к чему было ностальгировать. Он создал фильтр: `IF (sender != "bank") THEN DELETE`. Запустил его. Десятки писем – реклама, уведомления с форумов, рассылки от dead-стартапов – исчезли в небытии. Остались только счета. Пусть ими займётся кто-то другой. Администратор.

Он скачал всё, что осталось от NEUROSPARK: патенты, чертежи, исходники его нейроалгоритмов. Папка весила гигабайты. Когда-то это было его детищем, его наследием. Теперь это был просто набор данных, архивный файл с рас-

ширением .legasy. Он зашифровал его паролем, который никто и никогда не подберет. Ключ от храма, который снесли. Потом переместил файл на флешку. Не из сентиментальности. Чтобы эти наработки не попали в руки таким, как «Макс_Топ-Менеджер». Это был его последний, крошечный акт сопротивления профанации.

Флешку он положил в ящик стола. Рядом с паспортом. Пусть лежит.

Самое сложное было впереди. Прощальная записка. Он открыл чистый текстовый редактор. Курсор мигал на белом поле, требовал ввода. Что можно написать? Миру, который его не заметил? Бывшим коллегам, которые уже давно его забыли? Единственному человеку, чьё мнение хоть что-то значило, был мертв.

И тогда он нашёл форму. Идеальную, честную, соответствующую парадигме.

**ЗАГОЛОВОК: ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕНИИ ПРОЕКТА:
«НЬЮТОН_ГОЛЬДЕН.EXE» ВЕРСИЯ: 1.0 (FINAL) СТАТУС:
ПРЕКРАЩЕН (EOL – End of Life)**

1. РЕЗЮМЕ ПРОЕКТА: Проект был инициирован с целью достижения значимых результатов в области нейронин-

терфейсов и изменения парадигмы взаимодействия человека и машины. На ранних этапах показывал высокий потенциал.

2. ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ:

- Исчерпание выделенных ресурсов (мотивация, время, финансовый капитал).
- Критическое накопление ошибок в среде исполнения (физическое и ментальное здоровье оператора).
- Отсутствие значимого output, оправдывающего потребление ресурсов.
- Несовместимость с текущей экосистемой (социально-экономическая реальность).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Проект признан неудавшимся. Дальнейшая эксплуатация признана нецелесообразной. Все процессы будут остановлены, ресурсы освобождены.

4. РЕКОМЕНДАЦИИ: Отсутствуют.

Он сохранил файл на рабочий стол под именем README.txt. Больше нечего было сказать. Никаких оправданий. Только отчёт. Лаконичный, как гудок модуля при самотестировании перед выключением.

Физическая часть была самой простой. Он взял тот самый

белый шнур. Осмотрел его. Качество хорошее, медные жилы под оплеткой, прочный пластик штекера. Он размотал его, измерил длину взглядом. Более чем достаточно.

В дверном проеме, ведущем в крошечную прихожую, была массивная металлическая перекладина – часть стеллажа, которую он когда-то не удосужился доделать. Идеальная точка крепления. Выше человеческого роста.

Он не думал о боли. О страхе. Он думал о стабильности. О надёжности узла. Его пальцы, десять тысяч раз завязывавшие виртуальные узлы из кода, теперь завязали самый важный, самый реальный узел в его жизни. Петельный. Простой и эффективный. Он проверил его на прочность, дернув с усилием. Не подведёт.

Он встал на стул. Пластиковый, шаткий. Последнее препятствие, ненадежное и неустойчивое. Как всё в его жизни.

Он взглянул на экран. На чёрном фоне терминала мигало приглашение командной строки. `n_golden@localhost:~$ _`

Он мысленно ввёл последнюю команду. Ту, что завершит все процессы, остановит все службы, размонтирует файловые системы и выключит питание.

\$ sudo shutdown -h now

На улице, за бетонной стеной, просигналила машина. Кто-то куда-то ехал. Жизнь, огромная и равнодушная, продолжала работать в фоновом режиме.

Он накинул петлю на перекладину. Холодный нейлон мягко лег на шею, как невысказанное слово.

Он сделал последний вдох. Не воздуха. Тишины.

И пнул стул.

Глава 4. `Перезагрузка...`

Тишина. Не та, что была в студии – густая, спертая, наполненная шумами отчаяния. А абсолютная. Полная. Вакуум. Отсутствие всего. Ни данных, ни ошибок, ни процессов. Только состояние NULL.

И из этой абсолютной тишины, из самого нутра небытия, прорезался звук. Не писк, не звонок – это было бы слишком грубо, слишком материально.

Это был сигнал.

Резкий, пронзительный, цифровой всплеск. Тот самый, что годами вгрызался в подкорку, вышибая дофамин и адреналин. Уведомление. Входящее сообщение.

Но сейчас он звучал иначе. Не из внешнего мира. Он рвался изнутри, из самой сердцевины того, что ещё могло быть его сознанием. Он был не слышим ушами. Он был ощущаем. Как импульс, проходящий по каждому нерву, по каждой клетке, заставляя их вибрировать на этой одной, проклятой частоте.

SYSTEM START...

Мир не вернулся. Он взорвался.

Сознание не проснулось – оно было жёстко перезагружено, сброшено до заводских настроек, с выжженными кешами и снесенными фильтрами.

Первым пришло зрение. Но это не было зрением. Это был поток сырых, необработанных данных. Формат .RAW. Бетон потолка не был просто серым. Он был ландшафтом: каждая песчинка, каждая микротрещина, каждая неровность шпаклёвки выпирала в его сознание с уродливой, гипертрофированной четкостью. Он видел историю его укладки, следы кисти, вмятину от случайного удара. Свет от экрана ноутбука, всё ещё работающего, был не светом, а болью. Он вонзался в сетчатку раскаленными иглами, и каждый пиксель был отдельной пыткой.

Запах. Он не вдыхал – его охватило потоком информации, ударившей в мозг. Пыль. Не абстрактная «пыль в комнате». Миллиарды частичек мертвой кожи, ткани, уличной грязи. Кислотный дух остывшего кофе, распавшийся на молекулы кофеина и танина. Сладковато-гнилостное дыхание мусорного ведра. Металлический привкус крови на губе, которую он закусил. И свой собственный запах – страх, пот, отчаяние.

Это был не запах, это была химическая формула его краха, считанная и проанализированная за долю секунды.

Звук. Тишины не было. Её съели. Навязчивый, монотонный гул процессора ноутбука. Трахтеция батареи в смартфоне. Глухой, отдалённый стук басов из машины под окном. Собственное сердце – не биение, а глухой, тяжёлый удар в грудной клетке, потом судорожная пауза, и снова удар. Скрип зуба о зуб. Свист воздуха, врывающегося в лёгкие слишком резко, слишком громко.

Тактильные ощущения. Холод линолеума под спиной. Жесткая, врезающаяся в рёбра ножка стула. Мерзкая, липкая влага на щеке – разлитый кофе или слеза? И главное – давящая, невыносимая боль в шее. Огненный обруч, стянутый вокруг горла, каждое движение головы отзывалось спазмом, рвущимся на крик.

Он не думал. Он обрабатывал. Его мозг, лишённый всех защитных механизмов, всех привычных паттернов восприятия, тонул в океан сырых сенсорных данных. Это была сенсорная перегрузка, сбой системы ввода-вывода. Мир в формате .RAW был пыткой.

Он был жив.

Мысль возникла не как озарение, а как ошибка в потоке данных. ERROR: PROCESS "SURVIVAL.EXE" UNEXPECTEDLY RESTARTED.

Почему?

Его рука, тяжёлая, чужая, дернулась, наткнулась на что-то мягкое, скользкое. Белый шнур. Лежавший рядом на полу. Петля на конце была разорвана. Не развязана – именно разорвана. Дешёвый китайский нейлон не выдержал веса тела и нагрузки на рывке. Надрыв был неровным, волокнистым.

Не божья воля. Не чудо. Не пронзенная совесть. Техническая неисправность. Дефект материала. HARDWARE FAILURE.

Истерический, сухой, беззвучный смех вырвался из его пережатого горла, больше похожий на хрип. Судорожный вздох. Слезы, наконец, хлынули из глаз, но это были не слезы облегчения. Это была физиологическая реакция на боль, на шок, на абсурд.

Он лежал на полу в луже холодного кофе, среди мусора и пыли, и мир сходил на нём со всех сторон, давя, ломая, вливаясь в него через все поры. Он был жив.

На столе, над ним, с идиотским, безразличным спокойствием, всё ещё горел экран ноутбука. В центре – чёрное окно терминала. В углу – маленькое, нахальное окошко уведомления.

Тот самый сигнал. Тот самый писк, что выдернул его из небытия.

Он сфокусировал зрение, заставляя его пробиться через боль и слёзы.

Макс_Топ-Менеджер: Ньютон, ты где? По поводу «МозгоБуста». Ладно, поднял цену до 2000. Держи, пока не передумал. Так делаем?

Две тысячи рублей.

Цена, которую кто-то там, наверху, или в алгоритмах вселенной, или в дешёвой китайской оплётке кабеля, назначила за его жизнь.

Истерика прекратилась так же внезапно, как и началась. Всё внутри снова замерло. Застыло. Сенсорная перегрузка никуда не делась, но теперь он смотрел на нее как бы со стороны.

Он медленно, с нечеловеческим усилием, поднял руку и потянулся к мышке.

Курсор дрогнул, пополз по экрану.

Он не думал. Не выбирал. Процесс `n_golden.exe` был перезапущен. И первая команда, которую он получил, была очевидна.

Его палец, синий от нехватки кислорода, дрожа, навел курсор на кнопку.

Принять заказ.

Глава 5. `Расширение: .RAW`

Боль была не симптомом. Она была средой. Она пульсировала в висках синкопированным ритмом, вторила ударам сердца, но с опозданием в долю секунды, создавая мучительный диссонанс. Каждый нерв был оголенным проводом под напряжением. Шея пылала костром, где каждый воспаленный мускул, каждый поврежденный сосуд кричал о своем существовании отдельным, пронзительным голосом.

Он лежал на полу, и мир давил на него. Не метафорически. Физически. Атмосферное давление стало ощутимой, липкой пленкой на коже. Сила тяжести увеличилась в разы, приковывая его к липкому, холодному линолеуму. Он чувствовал вращение планеты – медленное, неумолимое скольжение в пространстве, от которого сводило желудок.

Восприятие: 100%. Фильтры: 0%. Буфер: переполнен. Формат .RAW был пыткой, предназначенной самой природой для сведения с ума.

Он открыл рот, чтобы застонать, и вкус мира обрушился на него. Пыль на языке распалась на составляющие: хитин мёртвых насекомых, целлюлоза от коробок, микрочастицы

бетона от стены «Горизонта». Кислота остывшего кофе взаимодействовала с металлическим привкусом страха, создавая на языке новый, отвратительный химический состав.

Слух уловил скрип за стеной. Не просто шум. Он смог мысленно построить трехмерную модель: сосед наверху, вес примерно 85 кг, сделал два шага по скрипящей половице, остановился, почесал в затылке. Частота скрипа указала на породу дерева – сосна, низкого качества, с сучком в месте наибольшего напряжения.

Это было нечеловечески. Невыносимо.

Он попытался закрыть глаза, чтобы shut down визуальный канал. Но веки оказались ненадежным фильтром. Он видел сквозь них: размытые пятна света от экрана, тени, движущиеся за мутным стеклом окна. Его собственные капилляры на сетчатке рисовали кровавую паутину на внутренней стороне век.

Его вырвало. Резко, судорожно, без предупреждения. Желудок, пустой и спазмированный, выдал лишь желчную горечь. И даже этот процесс его мозг разложил на компоненты: сокращение диафрагмы, спазм пищевода, кислотный pH рвотных масс.

Он уткнулся лбом в холодный пол, пытаясь найти точку опоры в этом уплывающем, гипердетализированном кошмаре. Он был системой, захлебывающейся собственными данными. Сенсорная DDoS-атака.

И посреди этого ада, в разрыве между волнами тошноты и боли, промелькнула искра. Не надежды. Нет. Нечто иное. Любопытство.

Микронный сдвиг в восприятии. Он увидел пылинку, прилипшую к линолеуму в сантиметре от его носа. Не просто пылинку. Он увидел её форму – не идеальную сферу, а сложный, фрактальный многогранник. Увидел, как свет от лампы преломляется в ее микроскопических гранях, создавая крошечную радугу. Он смог подсчитать количество таких граней. Примерно. Около семидесяти.

Это было... интересно.

Страх никуда не делся. Он был фоновым шумом, белым шумом ужаса. Но поверх него, как чистая нота поверх грохота оркестра, пробилось это холодное, отстранённое удивление. Как объект такой сложности может существовать в такой прозаичной среде?

Его взгляд, блуждающий и нефокусированный, наткнул-

ся на окно. На ту самую серую, бесконечную стену «Горизонта». И он увидел её.

Не символ своего провала. Не бетонный монолит.

Он увидел текстуру.

Каждый скол, каждую трещину, каждый наплыв краски. Его сознание, лишённое возможности мыслить привычными категориями, начало автоматически анализировать узор. Искать закономерности. И...

Он её нашёл.

В правом верхнем углу окна, почти у самого рамы, шла тонкая, едва заметная трещина в стекле. Она была не прямой. Она была сложной, ветвящейся, похожей на молнию или на карту кровеносных сосудов.

Его дыхание замерло. Тошнота отступила на второй план. Всё его существо, вся эта перегруженная, горящая от боли система сфокусировалась на этой трещине.

Он не видел брак, дефект, ещё одно доказательство убогости своего мира.

Он видел алгоритм.

Его мозг, тот самый, что когда-то проектировал нейросети, начал работать. Медленно, скрипя, как механизм после долгого простоя. Он начал просчитывать точку возникновения трещины – вероятно, микроскопическое включение в стекле, точка напряжения. Рассчитал вектор первоначального распространения – под углом 43 градуса к горизонтали. Проанализировал, как структура материала, внутренние напряжения и внешние температурные перепады заставили трещину ветвиться именно так, а не иначе.

Это не было случайностью. Это был процесс. Идеальный, математически выверенный, подчиняющийся законам физики и механики. Прекрасный в своей неизбежности.

В этом хаосе боли, тошноты, гипервосприятия и унижения, эта трещина была единственной честной, понятной ему вещью. Она была кодом. А он умел читать код.

Он медленно, с невероятным усилием, приподнялся на локте. Шея пронзительно заныла, мир накренился, но он удержался. Не сводя глаз с трещины.

Страх никуда не делся. Но к нему добавилось нечто новое. Не hope. Норе – это про будущее. У него его не было.

Это было focus. Внимание. Задача.

Он смотрел на идеальный алгоритм, записанный на стекле, и впервые за долгие месяцы его перегруженное сознание не искало спасения.

Оно искало закономерность.

Глава 6. `Диагностика: Повреждение архива`

Боль стала фоновым процессом. Высокоуровневым, ресурсоемким, но всего лишь процессом. Как антивирус, сканирующий систему на предмет угроз и отъедающий половину оперативной памяти. Его сознание, перегревшееся от сенсорной перегрузки, медленно остывало, возвращаясь к своей базовой архитектуре – анализу.

Он всё ещё лежал на полу. Дышать стало чуть легче. Давящая гипердетализация мира отступила на шаг, превратившись из пытки в raw data. Сырые, нефильТРованные данные, с которыми он как инженер мог работать.

Он запустил внутреннюю диагностику. `system_check.exe`.

Симптомы: сенсорное усиление, нарушение фильтрации данных, тремор, тошнота, острая боль в области шеи и черепа. Причина: попытка некорректного завершения работы, приведшая к аппаратному сбою и принудительной перезагрузке. Побочный эффект: повреждение архивов памяти.

Флешбеки возникали не как воспоминания, а как corrupted files. Обрывки, помехи, искаженные фрагменты.

Яркая вспышка: белый кабинет. Человек в идеально отглаженном костюме, улыбка как у графленного софта. «Нью-тон, ваши наработки по нейроадаптации – это именно то, что нужно NeuroTectonics. Мы не покупаем ваш стартап. Мы покупаем вас. Ваше будущее».

Он моргнул, и картинка сменилась.

Помехи, статика. Он стоит у огромной интерактивной доски в open-space NeuroTectonics. Рисует архитектуру. Его голос звучит чётко, уверенно. «Прямое считывание паттернов лимбической системы возможно, но опасно. Нужен буфер. Искусственный фильтр, иначе сырые эмоциональные сигналы сожгут нейросеть и нанесут обратный удар по оператору. Это как подавать на микросхему напряжение в тысячу вольт».

Скептическая ухмылка менеджера проекта. «Ты перегружаешь, Гольден. Users не нужны твои буферы. Им нужен вау-эффект. Максимальная эмпатия, максимальное погружение. Твоя задача – сделать, чтобы игрушка работала. О безопасности позаботимся потом».

Потом. Потом. Потом.

Ещё один файл. Ещё одна порция боли, на этот раз – из прошлого.

Он пишет отчёт. Жирным шрифтом, заглавными буквами: «ВЫСОКИЙ РИСК. Нейроинтерфейс прототипа NTI-5 может вызывать необратимые изменения в восприятии при длительном использовании из-за эффекта обратной связи. Необходимы дополнительные исследования и изоляционный контур».

Ответ от начальства приходит через час. Короткий емейл. «Ньютон, твою панику не разделяют. Команда видит в этом прорыв. Не тормози процесс. Мы на стартап-ране, помнишь?»

Он помнил. Он помнил, как его отстранили от проекта. Как его доступ к ядру системы постепенно урезали. Как его предупреждения помечали как «паникерские» и «блокирующие инновации». Как его патенты, перешедшие к NeuroTectonics по контракту, легли в основу их нового флагмана – «Эмпатикономайзера», устройства для считывания и каталогизации эмоций пользователя в рекламных целях.

Его выжали.

Мысль возникла кристально чистой, отполированной, как код после удачной компиляции.

Его не просто уволили во время очередной «оптимизации». Его целенаправленно выжали как ресурс.

Выжали его идеи, его наработки, его патенты. Выжали его энтузиазм, его веру в технологию. Выжали до последней капли, пока он не стал пустой, сухой скорлупой, которую можно было выбросить на помойку фриланса, где он сам будет выжимать себя уже за гроши, лишь бы выжить.

Синдром Выжимания. Это был не просто красивый заголовок. Это был диагноз. Его диагноз. Диагноз всей системы, которая потребляла людей, как процессор потребляет электричество, и выплевывала отработанный тепловой шлак.

Он медленно сел. Позвонки хрустнули, шея взвыла от протеста, но он проигнорировал это. Его взгляд упал на ноутбук. На уведомление от Макса. «2000 рублей».

Он посмотрел на разорванный шнур. Дешёвый китайский нейлон. Символ его ненадежности, его неспособности даже к этому последнему, окончательному акту.

А потом его взгляд вернулся к трещине на окне. К тому идеальному, математическому алгоритму разрушения.

Его выжали. Почти досуха.

Но почти – не значит полностью.

Что-то осталось. Что-то, что заставило его увидеть узор в хаосе. Что-то, что заставило его мозг, даже сломанный и перегруженный, анализировать, а не просто страдать.

Он поднялся с пола. Шатаясь, как после долгой пьянки, он подошёл к окну и коснулся пальцем холодного стекла. Провел по трещине.

Он был поврежденным архивом. Но даже повреждённые архивы можно попытаться восстановить. Прочитать уцелевшие фрагменты. Собрать их в новую последовательность.

Он не знал, что это будет. Он не знал, зачем.

Но впервые за долгое время у него появилась задача, не спущенная сверху заказчиком. Его собственная.

Задача: Самодиагностика. Цель: Восстановить рабочий прототип. Приоритет: Высокий.

Он повернулся от окна и взглянул на экран ноутбука. На сообщение Макса.

Его палец дрогнул, но на этот раз не от слабости. От чего-то другого. От едва заметного, холодного импульса.

Он стёр уведомление. Не ответив. Не приняв.

Он был повреждён. Он был выжат. Но он больше не был ресурсом.

Он был кодом, который предупредили об ошибке. И теперь он должен был её исправить.

Глава 7: `Первая команда: gen_omega.py`

Боль в шее пульсировала ровным, монотонным ритмом. Теперь это был не враг, а тактовый генератор его личного ада. Каждый удар – тик системного времени, отмеряющего интервалы в его перегретом сознании.

Он сидел перед ноутбуком, но не видел экрана. Он видел структуры. Трещина на окне отпечаталась на сетчатке, наложилась на мерцание курсора, проступила сквозь веки, когда он моргал. Её ветвящийся, нелинейный путь был ключом.

Это был не алгоритм разрушения. Это была карта. Карта нейронной сети. Но не та, что рисуют в учебниках – идеальная, симметричная. А живая, хаотичная, самоорганизующаяся. Та, что могла бы возникнуть естественным путем.

Его пальцы сами легли на клавиши. Холодный, шершавый пластик. Еще один источник гав-данных.

Он не думал. Он пропускал через себя.

Обрывки памяти, выжатые из него в NeuroTectonics,

всплывали не как воспоминания, а как модули кода. Фрагменты его старых, заброшенных наработок по буферным фильтрам. Те самые, что называли «паникерскими». Теория хаоса, которую он изучал когда-то для диплома. Идеальная геометрия трещины. И всё это – на фоне животного, физиологического ужаса от того, что с ним сделали. От того, что они продолжали делать с другими.

Его пальцы начали двигаться. Сначала медленно, с остановками. Потом быстрее. Еще быстрее.

Слепая, яростная скорость.

Это не было программированием. Это было транскрибированием. Он не писал код – он извлекал его из той самой сырой, нефильТРованной реальности, что сейчас разрывала его мозг на части.

Терминал ожил. Зеленые строки неслись вниз с пугающей скоростью. Он обходил привычные ему языки, его пальцы выписывали странные синтаксические конструкции, гибрид Python, ассемблера и чего-то ещё, чего не существовало. Язык гипервосприятия. Код на основе боли.

Он не создавал искусственный интеллект. Этим занимались те, у кого были чистые лаборатории и миллиардные ин-

вестиции. Они строили цифровых идиолов, жаждущих данных.

Он вынашивал антитело. Скромное, тихое, элегантное.

Его щит. «Омегу».

Ядро было крошечным, всего несколько сотен строк. Но в них была заключена вся ярость преданного учёного, весь ужас выжатого человека, вся холодная красота треснутого стекла.

Принцип был простым и гениальным. «Омега» не атаковала. Не взламывала. Она наблюдала. Она была цифровым иммунитетом. Встраивалась в любое устройство с нейроинтерфейсом на уровне прошивки и начинала сканировать исходящие данные. И если она detectировала попытку считать сырые, нефильТРованные эмоции, паттерны лимбической системы – всё, что делали продукты NeuroTectonics – она не блокировала сигнал. Она его подменяла.

Она генерировала идеальный, ровный, нейтральный эмоциональный фон. Своего рода цифровой белый шум. Пользователь думал, что его считывают с максимальной точностью. Система думала, что получает идеальные данные для анализа. А между ними «Омега» создавала невидимый,

непроницаемый барьер. Этичный щит. Защиту от выжимания.

Он закончил. Его пальцы замерли над клавиатурой.

На экране мигало приглашение командной строки. В рабочей директории лежал файл. `gen_omega.py`.

Тишина.

Адская гиперчувствительность отступила. Боль утихла до тупого, далекого гула. Мир снова приобрел привычные очертания, но что-то в нём изменилось навсегда.

Он смотрел на код. На этот крошечный, совершенный алгоритм неповиновения.

И его охватил леденящий ужас.

Откуда это? Это был не он. Ньютон Гольден был талантливым инженером, но не гением, способным на спонтанное озарение. Его лучшие работы были результатом месяцев кропотливой работы, проб и ошибок.

А это... это пришло целиком. Законченное. Идеальное. Как откровение.

Его рука дрогнула. Он поднес пальцы к вискам, ощущая под кожей пульсацию крови. Что, если это не озарение? Что, если это симптом?

Он вспомнил цифровых чертиков, плясавших перед глазами. Вспомнил диагноз врача – «переутомление», который звучал как прикровенная ложь. Вспомнил дикую, всепоглощающую боль, что подняла его с пола.

Повреждение архива. Так он это назвал.

А что, если повреждение было не метафорическим? Что, если в момент того рывка, когда шнур не выдержал, в его мозгу что-то... перегорело? Перемкнуло? Какие-то нейронные пути были разорваны, а какие-то – случайно соединены заново, создав короткое замыкание гениальности и безумия?

Был ли этот код – `gen_omega.py` – началом чего-то нового? Или же он был предсмертным хрипом его рассудка, последним, ярким всполохом угасающего сознания, которое, умирая, выдало набор – самый прекрасный и бесполезный бред?

Он сидел в тишине своей студии, глядя на серую стену «Горизонта», и не знал, что страшнее: то, что он сошёл с ума, или то, что он внезапно обрёл смысл.

Его взгляд упал на разорванный шнур. Дешёвый китайский нейлон. Символ ненадежности.

А потом – на экран. На идеальный код.

Он сделал выбор. Единственно возможный для ученого, даже сломанного.

Он запустил скрипт.

В терминале понеслись строчки логов. Компиляция. Загрузка в эмулятор. Тестовый прогон.

Он ждал. С замиранием сердца ждал, что система выдаст ошибку. Что этот код – всего лишь красивая бессмыслица, порожденная больным мозгом.

Но ошибки не было.

Эмулятор отрапортовал: [OK] Omega core initialized. Shield active.

Он был жив. Его мозг был повреждён. Но он работал.

И теперь у него был ключ.

Глава 8. `Ошибка сегментации: Мозг`

Первым признаком стало зрение. Вернее, его отказ.

Он сидел, уставившись в стену, пытаясь мысленно доработать алгоритм распространения «Омеги» через открытые репозитории, и вдруг правый глаз ослеп. Не затемнился, а заполнился статикой. Цифровым шумом, будто на него вывели сырой видеопоток с битой камеры. Белые, черные, зеленые точки, мерцающие с бешеной частотой. Больно, ярко, невыносимо.

Он зажмурился, вскрикнув от неожиданности. Давление в черепе нарастало, пульсируя за правой глазницей. Через минуту статика отступила, оставив после себя жгучую боль и слезотечение.

Визуальный глюк. Сбой графического драйвера. – промелькнула в голове автоматическая, отстраненная диагностика.

Он отмахнулся, списав на усталость, на последствия трав-

мы. Принял обезболивающее, которое уже не помогало.

Но сбои учащались.

На следующий день, когда он пытался скомпилировать тестовую прошивку, его рука вдруг дернулась и пролила кружку с водой на клавиатуру. Движение было резким, неконтролируемым, как тик. Он не просто задел кружку – он ударил по ней с force, которой не должно было быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.